

Утром 23 мая 1980 года, ровно в восемь часов, Овини Детрис, на третий день после своего рождения, сонно приоткрыл глаза и остолбенел, увидев перед собой мужчину, который был точь-в-точь похож на него самого в прошлой жизни.

[Кто он такой? Неужели это отец моего нынешнего тела? Неужели он и впрямь тот самый папаша, что бросил жену и ребенка? Быть того не может, быть того не может, быть того не может! Наверное, мне показалось, наверное, я еще не проснулся.]

Пережив бурю внутренних эмоций, Овини наконец смирился с тем фактом, что стоило ему проснуться, как отец оказался рядом.

Если бы Олек мог слышать мысли Овини, его сердце, пожалуй, разбилось бы на кусочки.

Профессор Макгонагалл толкнула дверь и, увидев, как двое Детрисов — большой и маленький — перемигиваются, вздохнула, подошла к крошечному Овини и поднесла к его губам бутылочку с молоком.

Олек с беспомощным видом посмотрел на профессор Макгонагалл. Заметив его взгляд, она с понимающим видом поднялась и вышла, а Олек подошел и присел на корточки рядом с сыном.

— Эх, мой малыш, твой отец понятия не имеет, как стать для тебя настоящим, достойным отцом, но в нынешней ситуации я хочу узнать твой выбор. Если ты хочешь остаться здесь и жить дальше, подними ручку для отца, а если не хочешь — промолчи, и отец заберет тебя с собой, хорошо?

[Что он имеет в виду под «жить здесь»? Разве он пришел не за тем, чтобы забрать его домой? Почему он заставляет его выбирать, оставаться или нет?]

Овини все понял. Он долго молчал, а затем медленно поднял ручку.

Увидев это движение, Олек мягко улыбнулся Овини:

— Я понял тебя, мой малыш.

Он склонился, поцеловал его в лобик, оставил рядом с ним сверток и молча удалился.

Снова поднявшись в кабинет директора, Олек внимательно огляделся: обстановка была простой, но вовсе не выглядела ветхой.

— Директор Дамблдор, я все обдумал. Я разрешаю Овини остаться здесь, но у меня есть три условия. — Услышав это, Дамблдор озарил лицо доброй улыбкой.

— Слушаю вас, можете изложить. Я готов принять эти три условия, разумеется, если они не противоречат принципам. — Дамблдор в ночном колпаке мгновенно обрел бодрость.

Глядя на то, как серьезно Дамблдор отнесся к делу, Олек мысленно отбросил последнюю капельку оставшейся настороженности:

— Первое: Овини может жить здесь только до восемнадцати лет. По достижении восемнадцатилетия, по какой бы то ни причине, я обязан вернуть его в семью.

Дамблдор кивнул в знак согласия с первым условием: это приемлемо, вот только захочет ли сам Овини возвращаться с вами — это еще вопрос.

— Второе: я хочу, чтобы опекуном Овини в Хогвартсе стал Северус Снейп, и он должен гарантировать, что Овини не пострадает в Хогвартсе ни при каких обстоятельствах. — Это требование имело под собой веские основания: Олек то и дело закупал зелья у Снейпа, мастера зельеварения, через налаженные каналы, к тому же любые травмы Овини могли спровоцировать стихийный выброс магии, и еще неизвестно, устоял бы после этого сам Хогвартс.

— Третье: я хочу, чтобы в одиннадцать лет он получил образование в Хогвартсе. Полагаю, об этом вы и сами мечтали, директор Дамблдор, — уверенно произнес Олек, и Дамблдор, как он и ожидал, кивнул.

— Полагаю, вы правы, мистер Детрис. Уверяю вас, здесь он получит прекрасное образование, и мы не позволим причинить ему ни малейшего вреда. — Дамблдор снова опустился в директорское кресло.

— Что же касается упомянутого вами опекуна, думаю, уговорить его будет непросто, однако он приступит к обязанностям преподавателя зельеварения и декана Слизерина только в следующем учебном году. — Олек потер подбородок.

— Впрочем, едва ли здесь возникнут серьезные проблемы. — К этому директору Хогвартса у Олека все же было доверие.

Проложив для своего ребенка дорогу и устроив все дела Овини, Олек удалился в одиночестве.

Стоя на мосту, Дамблдор смотрел на явно ссутулившуюся, опустошенную фигуру Олега и мысленно вздыхал.

Снейп в тот момент еще не знал, что его кандидатуру на пост преподавателя Защиты от темных искусств отвергли, а старый директор самовольно закрепил за ним ведение уроков зельеварения, иначе он наверняка брызнул бы ядом.

Дамблдор вернулся в комнату Овини и, заметив оставленный рядом с ним сверток, все сразу понял: это была та опора на будущее, которую Олек оставил сыну.

Дамблдор с улыбкой покачал головой: мы ведь не собираемся его съесть, просто Северусу придется раскошелиться.

Овини всюду уплетал молоко из бутылочки, блаженно сопя, и совершенно не заметил появления постороннего.

— Малыш, а твой папа ушел, а ты ведь ни капельки не расстроился, — Дамблдор легонько потрогал Овини за лоб.

Овини сморщился от досады: разве это называется «не расстроился»? Это называется «отгородился от мирской суеты».

Время пролетело незаметно, и вот Овини встретил свой первый месяц.

Профессор Макгонагалл, только что закончив занятие, взяла его на руки и направилась в Большой зал — подошло время ужина.

Поскольку он был еще совсем мал, профессора на общем собрании единогласно решили поручить кормление маленького Овини тем преподавателям, у которых в данный момент не было уроков.

И хотя брать младенца на занятия во избежание случайных заклинаний не разрешалось, педагоги сошлись во мнении, что на уроках у старшекурсников присутствовать вполне можно, тем более что, судя по всему, Овини очень нравилось слушать, как учатся дети.

Отправляясь на уроки к старшим классам, преподаватели неизменно брали с собой крошечного Овини. Сегодня как раз выдался понедельник, и первой парой утром шли полеты на метлах у старшекурсников.

Миссис Хуч появилась на лужайке у Запретного леса, держа Овини на одной руке — именно здесь проходили ее занятия.

Студенты из Гриффиндора и Когтеврана уже ждали на месте, и появление Овини не стало для них неожиданностью.

— Профессор, можно мне подержать Овини? — смело подняла руку девочка из Гриффиндора. Подобное случалось не впервые — напротив, такое повторялось бесчисленное количество раз.

За прошедшее время Овини обзавелся очаровательными младенческими щечками и превратился

в пухлого малыша.

Впрочем, поддержать ребенка хотя бы недолго удавалось лишь профессор Макгонагалл да еще на уроке чар профессора Филиуса Флитвика, а на всех остальных занятиях взять маленького Овини на руки почти никому не удавалось.

Естественно, миссис Хуч строго-настрого отказала девочке:

— Дорогая, к сожалению, сегодня вы не сможете его поддержать. У него сегодня месяц со дня рождения, и он еще слишком хрупок.

Девочка разочарованно опустила глаза.

Глядя на огорченную ученицу, миссис Хуч вздохнула:

— Ладно, дети, полагаю, нам пора начинать урок! Впрочем, вы уже взрослые ученики, старшекурсники, и вам наверняка больше не требуется, чтобы эта старая калоша водила вас за ручку! Летите вольно, дети!

Метлы самых разных видов взмыли в воздух. Сидевший на руках у миссис Хуч Овини тоже заметил движение вокруг и с любопытством потянулся ручонкой к летающим в небе метлам.

— Ох, мой маленький прелестник, а ведь у тебя сегодня месяц, ты знал? — Миссис Хуч легонько пощекотала крошечного Овини по пальчикам. Тот залился звонким смехом, продолжая исподлобья с любопытством наблюдать за резвящимися в небе детьми.

<http://bllate.org/book/21847/2265525>